

АНАТОЛИЙ ЗАРЕЦКИЙ

Odnoklassniki.ru.
Неотправленные письма
другу

КНИГА ВТОРАЯ

Анатолий Зарецкий

**Odnoklassniki.ru. Неотправленные
письма другу. Книга вторая**

«Издательские решения»

Зарецкий А.

Odnoklassniki.ru. Неотправленные письма другу. Книга вторая /
А. Зарецкий — «Издательские решения»,

И вот грохот катастрофы стих. Наступила мертвая тишина... Что-то горело на старте. В воздухе почти по всей траектории полета и падения ступеней ракеты траурной бахромой висели черные дымы. С земли, где упали обломки ракеты, поднимались к небу светло-серые клубы продуктов горения. Все это постепенно подкрасилось ярко-красным солнечным светом. Картина была необыкновенно красочной, если бы это не была трагическая картина разрушения и гибели нашей ракеты, нашего многолетнего труда и наших надежд.

Содержание

Глава 12. Царь горы	6
Глава 13. Маленький Наполеончик	23
Глава 14. Мне весна подарила крылья	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Odnoklassniki.ru.
Неотправленные письма другу
Книга вторая
Анатолий Зарецкий

© Анатолий Зарецкий, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 12. Царь горы

Макет снова вывезли на стартовую площадку. В этот раз планировалось проведение комплекса работ по предстартовой подготовке, включая заправку топливом. Это должна быть своеобразная репетиция перед пуском летного изделия.

Снова начались постоянные дежурства. В этот раз любопытствующих высоких чинов было гораздо больше, чем обычно. Ко мне по нескольку раз в день подходил руководитель работ с небольшими группками старших офицеров, либо штатских. Как правило, меня просили провести небольшую экскурсию, с показом ракеты и посещением башни обслуживания.

Обычно вез группу лифтом до верхней площадки. Оттуда, с высоты более ста метров, открывался прекрасный вид. В ясную погоду можно было видеть даже город Ленинск. Желаящим предлагал подняться пешком еще выше – на площадку, с которой доступен круговой обзор. Постепенно, спускаясь вниз, посетители знакомились со всеми рабочими местами обслуживания ракеты.

Не все посетители нормально переносили высоту. Примерно четверть сразу же требовала немедленно спустить их вниз. Встречались и такие, кто, судорожно вцепившись в меня, спускались с закрытыми глазами, открывая их только на земле. Я докладывал руководителю работ, что доступ на башню возможен только для тех, кто допущен к работе на высоте. И это правило должно распространяться на всех, независимо от степени важности персоны. Но мои доклады игнорировали. Меня удивляло такое отношение руководителя работ к безопасности случайных людей.

В ветреную погоду было особенно заметно, как раскачивалась башня обслуживания под напором ветра. Амплитуда колебаний самой верхней – подкрановой площадки – была существенной, шаткая опора буквально уходила из-под ног то в одну, то в другую сторону.

В свободное время, мне нравилось забираться сюда. Я выбирал угол площадки, откуда не было видно ничего, кроме неба с бегущими облаками. И тогда вновь и вновь вспоминал незабываемые ощущения свободного полета и глаза моей Любочки, которые всегда были перед мысленным взором, когда парил на планере в бескрайнем крымском небе. Она смотрела на меня тем особенным взглядом, как тогда в нише старого дома, где мы впервые открылись друг другу. Именно тот взгляд и восторг полета слились у меня в одно целое – в ощущение безграничного счастья...

Как-то раз в поле зрения попали молниеотводы – две гигантские, отдельно стоящие стальные фермы. Высота ферм превышала двести метров. Каждая из них заканчивалась развилкой, в виде буквы V, наклоненной в сторону башни с ракетой. Эти «усы», собственно и были приемниками атмосферных зарядов. С земли усы казались небольшими прутиками. Но, присмотревшись, на прутиках усов молниеотводов легко разглядеть монтажные скобы, по которым можно попасть на самый кончик такого уса. К самой развилке подходила лестница, наподобие той, что имеется у обычных строительных кранов.

Естественно, амплитуда колебаний кончика такого уса должна быть существенно больше, чем верхней площадки башни. И, конечно же, у меня зародилась мысль подняться туда в ветреную погоду.

И вот такая возможность представилась во время моего дежурства. Вечером поднялся на башню и оттуда внимательно изучил весь предстоящий путь. А рано утром, еще до восхода солнца, надел монтажный пояс и начал подъем.

Он оказался не таким уж простым, как представлял. Я довольно быстро преодолел зону обычных лестничных маршей, но потом надо было подниматься по вертикальным ступеням,

представляющим собой обычные металлические прутья. Вскоре почувствовал, как ноги наливаются свинцом. Надо было немного передохнуть. А я не преодолел и трети пути. И надо было спешить, чтобы вернуться к моменту, когда на площадке появятся люди.

«Часовой у ракеты вряд ли меня заметит. У него свои проблемы. Да и какое ему дело до меня? Мало ли кто чем занят по работе? Может, так надо. А если заметят другие люди? Что с того, кто теперь сможет меня остановить?» – размышлял, отдыхая.

И вот я у развилки. Взглянув на часы, поразился тому, что подъем уже занял полчаса, а мне еще предстоял самый сложный его участок. Очень мешал сильный ветер. Он продувал буквально насквозь. Но ничего не поделаешь – именно ветра я ждал, когда выбирал момент проведения операции «молниеотвод».

Выход на ус выполнял буквально по-пластунски, надежно страхуясь при помощи монтажного пояса. Со середины уса уже не было никаких ограждений, и порывистый ветер настойчиво пытался сдуть меня со столь эфемерной опоры. К ветру добавлялись жуткие колебания этой самой опоры. «А выдержит ли она такую нагрузку? Наверняка выход на ус при ветре запрещен», – мелькнула запоздалая, но вполне здравая мысль труса.

И вот я у последней скобы – практически на самом кончике уса. Удобно разместиться не удалось, а равномерные колебания уже начали вызывать нечто вроде приступа морской болезни. Нет, это совсем не похоже на ощущения, которые испытываешь в защищенном от ветра кокпите планера. Там крылья – твоя опора, а воздушные потоки – твоя стихия. Здесь ветер – твой враг, а опора, угрожающе раскачиваясь, с удовольствием избавилась бы от своего бестолкового седока, так беспомощно к ней прижавшегося.

И тут я увидел глаза моей Людочки. Казалось, она насмешливо смотрела на меня с очень близкого расстояния, и глаза ее сияли от озорной улыбки. И я сразу вспомнил тот случай, когда это было.

А было это зимой, вскоре после памятного «вечера той зимней метели», когда мы с Людочкой, взявшись за руки и постепенно превращаясь в две белые снежные бабы, прогуливались вокруг угольной кучи, занесенной снегом. С того момента Людочка все чаще выходила гулять одна, без сестрички, правда ненадолго, всего на полчаса. Я с удовольствием ее перехватывал, и мы делали с ней небольшой круг по прилегающим улицам. Потом она шла домой за сестричкой, я за братиком, и мы продолжали наши разговоры под наблюдением ревнивой парочки.

В тот раз мы с Людочкой, вместо прогулки по улицам, зашли в наш двор. Он весь был завален огромной кучей снега. Зима была необыкновенно снежной. В наше время снег с улиц дворники убирали во дворы, вывозя его туда вручную в больших санках. И мы, дворовые малыши и подростки, с удовольствием помогали дворнику катить эти тяжелые санки со снегом. Потому что на обратном пути в них, вместо снега, уже катились мы. Весной проходила обратная операция: снег вывозили из дворов на улицы и разбрасывали на дорогу, под колеса идущего транспорта.

На снежной куче шла традиционная игра «в царя горы». Переглянувшись, мы с Людочкой дружно бросились вперед – на штурм той самой горы. Слаженно действуя против всех, вскоре были на вершине. И мы стояли с ней рядом, не желая сражаться друг с другом. Но царь-то должен быть один...

Неожиданно получив сильный толчок в спину, упал и покатился по самому крутому склону. Сверху, прямо на меня, свалился еще кто-то, и мы вместе кубарем скатились к подножию горы. Очень близко увидел смеющиеся глаза Людочки. Это была она. Мы вскочили на ноги и через какое-то мгновение снова были на вершине. Вдруг Людочка лукаво взгля-

нула на меня, и, подставив подножку, ловко толкнула корпусом. И почему-то оказалось, что она снова падала вместе со мной. И снова очень близко увидел ее озорные смеющиеся глаза. Несколько секунд мы лежали в снегу рядом, смотрели друг на друга, и нам совсем не хотелось вставать.

– Жених и невеста, – громко, нараспев затянули чьи-то гнусные голоса традиционную детскую дразнилку. Мы с Людочкой, смеясь, вскочили на ноги и, взявшись за руки, выбежали со двора на улицу. Похоже, нам обоим понравилась та песенка. А до нашей первой весны оставались еще полных два года...

И вот я один на вершине горы. Выше некуда. Но что-то я совсем не похож на царя горы. Скорее на жалкого червячка, прильнувшего к раскачивающейся на ветру ветке огромного дерева.

Людочка, любимая, своей озорной улыбкой ты подбодрила меня. Я что-нибудь придумаю. Я найду выход из моего дурацкого положения. Не разворачиваясь, потихоньку переместился по усу до ограждения. Здесь мне удалось, наконец, сесть, опираясь спиной на ограждение и зацепившись ногами за скобу. Я застраховался и сидел, чувствуя себя достаточно уверенно. Ус по-прежнему жестоко раскачивало. Похоже, я добавлял толику парусности всей системе. Но уже привык к этой качке и почти забыл о ней.

И вдруг осознал всю бессмысленность совершенного деяния. Зачем я здесь? Испытать забытые ощущения? Вспомнить прошлые несбывшиеся мечты? Но это совсем не похоже на полет. Не может летать то, что лишено крыльев. Даже имитировать полет не может.

Но любое опасное действие необходимо выполнять во имя чего-то. И это что-то должно быть самым важным для тебя. А что сейчас самое важное в моей жизни – в жизни человека, потерявшего эти самые крылья?

Долг перед страной? Это давно для меня абстрактное понятие. Не могу я чувствовать никакого долга перед сообществом неинтересных мне людей, каждый из которых живет своей жизнью, ничего не зная о моем существовании.

Любимая работа? То, чем сейчас занимаюсь, не приносит никакого удовлетворения. Потому что это не инженерная работа. И в перспективе – она все та же. Даже работа по оборудованию спецкласса была намного интереснее. Тогда я, по крайней мере, решал типичные инженерные задачи.

Тогда что? Ведь было же в моей жизни то, что составляло смысл моего существования. Ради чего готов был на любые поступки, на любые жертвы.

Этим главным в моей жизни была ты, моя любимая Людочка. Мы с тобой были созданы друг для друга. Судьба определила нас как половинки одного целого. И это целое могло быть прекрасным.

Наша первая любовь стала незабываемым событием и для тебя, и для меня. Мы оба пронесли ее, как святыню, через годы нашей разлуки, когда каждому из нас уже казалось, что он навсегда потерял свою вторую половинку. Мы страдали, но каждый думал, что в том повинен не он. Ни ты, ни я за все эти годы так и не встретили человека, которого определили бы, как достойного быть рядом.

А когда злые чары рассеялись, мы устремились друг к другу, жертвуя, ради второй половинки, всем, что у нас было. Ты, зная о своей болезни, была готова отказаться от счастья быть рядом со мной – ради моего мнимого счастья с другой женщиной, не такой безнадежно больной, как ты. Я готов был бросить все на свете, ради счастья просто быть рядом с тобой, даже в таком твоём состоянии. Я готов был сделать и делал все, чтобы спасти тебя от участи, которую тебе предопределила судьба.

А что сейчас, когда тебя нет в этом мире? Что у меня осталось? Только имя твое, которое даже не могу произнести вслух, не расплакавшись... Людочка... Лю-ю-дочка...

Если когда-нибудь у меня все-таки будет семья и родится дочь, я даже не смогу, в память о тебе, назвать ее твоим именем. Ведь тогда, глядя на нее, всегда буду думать только о тебе, а не о ней. Уж лучше назову ее именем твоей сестрички, которую мы воспитывали с тобой, как нашего малыша, и которую мы оба тогда любили и опекали, совсем как нашу доченьку.

И еще осталась память о тебе, любимая. Мне кажется, на всем белом свете только я один вспоминаю тебя с такой любовью и с такой болью.

Твоя мама, конечно же, помнит тебя, и не забудет никогда, пока жива. Но у нее есть «запасная» дочь – это наша Светланка. Вся свою любовь, которую в последнее время отдавала тебе, она перенесла на нее. И это правильно. Так ей легче перенести горе.

И Светланка помнит тебя. Но время, конечно же, сотрет ее воспоминания. А сейчас, когда удвоенная любовь матери обращена только на нее, это не может ни нравиться молоденькой девушке в расцвете юности.

Помню тот первый выходной, когда ты попыталась сдружить меня со Светланкой. Это было еще в первые дни восстановления наших отношений, еще до нашего объяснения. Тебе тогда, видно, показалось, что мне скучно находиться с тобой. Особенно, когда ты подолгу спала. Ты не могла даже подумать, что каждый час, проведенный рядом с тобой, любимая, был для меня самым дорогим подарком. Мне никогда не было скучно с тобой. И позже ты это поняла, потому что испытывала такие же чувства. Ты скучала, когда я по нескольку дней не мог бывать у вас.

Но тогда ты предложила нам со Светланкой сходить в кино. Я видел, как удивилась твоя сестричка. Ведь я пришел не к ней, а к тебе. А для нее я довольно долго был «дядей Толей». Я носил ее на руках, а потом на плечах. Моему братику это очень не нравилось, потому что она занимала его место. Им больше нравилось, когда они оба восседали на мне. Конечно же, я занял место в ее детских воспоминаниях. Но когда мы еще дружили, она играла в куклы со своими девятилетними сверстницами. И мы с тобой уже были ей неинтересны. А теперь Светланка была в том возрасте, в котором была ты, когда судьба подарила нашу первую любовь. И ты тогда, очевидно, подумала...

Нет, Людочка, ты зря тогда так подумала. Светланку я мог бы любить только, как отец любит дочь. Естественно, если бы она нуждалась в такой моей любви.

Любимая, я счастлив, что судьба все-таки подарила нам с тобой эти полгода нашей большой любви, пусть и закончившиеся так быстро и так трагически.

Я не мог поверить в случившееся. Ведь всего сутки назад разговаривал с тобой. Ты улыбалась и шутила, впервые увидев меня в форме. Да и потом, в наши последние полчаса, мы не говорили о грустном.

Мы даже помечтали о нашем будущем, не осознавая, что с каждым произнесенным кем-то из нас словом, с каждым вздохом и с каждым ударом сердца, мы стремительно приближаемся к рубежу, за которым для нас с тобой уже не будет ничего, кроме моих воспоминаний о тебе и нашем прошлом...

Как пережить эту боль бесконечную,
Если случилось непоправимое —
Если навеки уходит любимая,
Так и оставшись невестою вечною.

Жутко представить, что станет землю
Всё, что когда-то мне дорого было.
В школу ходила, дышала, любила,
В детстве лошадок кормила травой.

Выросла девочка стройной, красивой,
С теплой улыбкой глаз «чайного» цвета.
С первой любовью проклюнулось лето
В дни, когда вместе мы были счастливыми.

Ложью подруги, с душой бессердечной,
Годы страдания нас искалечили...
Только любовь стала раны залечивать,
В бездну сорвалась по имени Вечность.

Нет больше глаз, отражавших Вселенную.
Жизнь твоя – чудо неповторимое —
Вмиг промелькнула, неудержимая,
В светлую память, в твой образ нетленный.

А назавтра я не узнал тебя. Ты в одну ночь состарилась лет на сорок. Твоя мама выглядела моложе. Так распорядилась природа. И мы, обнявшись, плакали, потому что она тоже не верила, что это ты...

Безжалостная судьба, как увядшую бесплодную ветку, навсегда срезала тебя с дерева жизни, так и не дав возможности возродиться в своих потомках.

Но ты была и осталась для меня самым ярким цветком на этом дереве жизни. И я счастлив, что хоть так недолго, но был рядом с тобой на одной его ветке, и видел это твое цветение, мой единственный и неповторимый цветочек...

Через полчаса я уже был на земле, уставший и опустошенный. Никто так и не обратил внимания ни на мое отсутствие, ни на молниеотвод, по которому кто-то зачем-то перемещался. Все были заняты своими делами. Я сдал дежурство и поехал на площадку отдыхать. Как всегда, остался без завтрака, потому что столовая была закрыта. И я знал, что, как всегда, обязательно просплю обед. Так что, впереди только ужин, а назавтра все сначала.

Во сне я снова мучительно долго поднимался по бесконечным лестницам молниеотвода. А потом снова видел озорную улыбку Людочки.

– Ну и зачем ты сюда забрался? – допытывалась двенадцатилетняя Людочка, – Ты думаешь, стал царем горы? А вот если я сейчас, как тогда на горке, столкну тебя отсюда?

– Я не боюсь. Будем падать вместе. А потом будем лежать рядом, и смотреть друг на друга. А Ирка с Талкой будут нам кричать: «Жених и невеста».

– Нет, Толик. Я уже упала. Я даже столкнуть тебя не смогу, – отвечала мгновенно повзрослевшая лет на восемь Людочка, – Если хочешь быть рядом со мной, ты должен прыгнуть сам.

– Я же разобьюсь.

– А как иначе ты сможешь попасть ко мне? Разве не для этого ты сюда забрался?

– Не знаю, Людочка... Прыгнуть в бездну даже с парашютом трудно. Я знаю состояние перед прыжком. Знаю ощущения падения. Без парашюта – все то же. Только чуть больше страха... А что потом? Ты знаешь... Ничего, пустота... И отец мне говорил: «В бою страшно

живым. Убитым уже ничего не страшно»... Знаешь, Людочка, жить с болью в душе тяжелее, чем сразу умереть... И я живу, не показывая свою боль никому... Это еще ужаснее, чем прыжок в никуда... Только вот, зачем живу?.. Что бы ни сделал в жизни, мне это не интересно. Потому что ты никогда об этом не узнаешь. Не будешь гордиться мной. Мне так плохо без тебя... И если ты зовешь – я лечу к тебе, любовь моя!

Не раздумывая, выпрямился во весь рост и, как когда-то от борта самолета, резко оттолкнулся от опоры. Земля стремительно ринулась навстречу. Почти сразу раздался характерный хлопок раскрывающегося парашюта.

– Теперь я не сомневаюсь... Ты любишь меня... И я снова спасла тебя, – непонятно откуда донесся затихающий голос Людочки.

– Зачем?!! Зачем?!! – закричал в отчаянии...

Я проснулся, сердце стучало, как будильник. В комнате было душно, часы показывали пять часов. Часа через два можно и на ужин. Спать больше не хотелось.

Людочка, Людочка... Ты не отпускаешь от себя и не принимаешь к себе мою несчастную душу. И я ничего не могу изменить ни в себе, ни вокруг себя.

Я уже дважды простился с тобой навсегда, любимая. В первый раз это было в моих стихах. Все пять лет нашей разлуки, только в них я говорил с тобой о нашей первой любви. В них рассказывал о чувствах к тебе, об отчаянии, что невозможно вернуть наше прошлое – нашу дружбу и нашу весну. Я страдал, думая, что ты покинула меня, потому что разлюбила. И в моих стихах я прощался с тобой, с моей первой любовью, навсегда.

Понимал ли тогда, что такое навсегда? Вряд ли. Потому что, несмотря ни на что, всегда теплилась надежда. И рождались стихи, полные оптимизма и этой самой надежды. Надежда не покидала даже в моменты, казалось бы, полного отчаяния...

Тебе достаточно было прочесть мои стихи, чтобы понять, как ты ошибалась все эти долгие годы. Я счастлив, что ты все-таки прочла те стихи о нашей первой любви. Они спасли любовь, сделав ее бессмертной.

А потом я простился с тобой навсегда во второй раз, именно в тот момент, когда мы оба устремились друг к другу всеми силами наших любящих сердец. Когда мы, наконец, объяснились, и ты стала моей невестой – ты вдруг покинула этот мир.

И нет меры моему горю и отчаянию от осознания, что в этот раз я действительно потерял тебя навсегда.

Тебя больше нет, моя невеста, и никогда больше не будет. Это бесповоротно. Это навсегда. И это страшно, потому что нет больше надежды.

А я обречен судьбой, любить тебя и страдать без тебя всю мою жизнь...

Я лежал с открытыми глазами и вспоминал наши детские и юношеские годы. И на душе становилось светлее. Душа постепенно успокаивалась. Потому что мыслями погружался в то время, когда, несмотря ни на что, нам в нем было так уютно и так хорошо, как никогда потом.

Рядом с Людочкой я всегда чувствовал себя спокойно и уверенно. Казалось, она придавала мне силы. Она была светлым человечком. Я никогда не слышал, чтобы она кого-нибудь обидела, или с кем-нибудь ссорилась. Правда, в наши детские годы ссориться было почти не с кем. Нас, детей, было не так уж много. Тем не менее, все было, как у всех.

С первых дней нашего знакомства, рядом с Людочкой я почувствовал себя мужчиной. Мне хотелось заботиться о ней, опекать ее, защищать, если требуется. Она была маленькой и хрупкой, и всегда казалась такой беззащитной. Она была неважно одета и все время хотела есть. Сначала я следил, чтобы она не была голодной. Кроме традиционного хлеба с подсолнечным маслом, мне иногда удавалось покормить ее супом, или жареной картошкой у нас дома.

У нее не было никаких игрушек. И вскоре часть моих игрушек – тех самых, из немецкого лагеря, перекочевала к ней. Людочка была счастлива.

Постепенно жизнь ее маленькой семьи налаживалась. Проблема хронической нехватки еды отпала. И когда наши мамы разрешили нам гулять не только под окнами их комнаты, но и в ближайших дворах, у нас с Людочкой появилась «работа». А вышло это так. Моя мама иногда давала нам с братом деньги, чтобы мы могли самостоятельно купить по стаканчику газированной воды с сиропом. Вода продавалась в киоске, куда можно было попасть, пройдя через большой двор, соседствующий с нашим. Тогда нам это путешествие казалось таким значительным, словно мы посетили соседний город.

С братом у меня всегда были проблемы. Когда подходила наша очередь к киоску, я подавал свои деньги продавщице, брат же никогда не хотел отдавать свои. Он упрямо молчал, опустив глаза и зажав деньги в кулачке. Мы с соседями по очереди и с продавщицей уговаривали его, но все было бесполезно. Тогда мне отпускали только один стакан воды. И тут брат начинал капризничать, требуя эту воду себе. Конечно же, мы выпивали мой стакан пополам. А после этого он покупал себе свой стакан воды. Но со мной никогда не делился. Меня это возмущало, но все вокруг убеждали, что он так себя ведет, потому что еще маленький. Однако, со временем, такое поведение стало правилом его жизни.

Как-то раз, мы взяли с собой Людочку. Естественно, свой стакан воды отдал ей. Брат похныкал-похныкал, но вынужден был тут же купить свой стакан. Без воды остался только я. А когда мы уже подходили к большому двору, двигаясь мимо огромной очереди за хлебом, меня окликнула незнакомая женщина из очереди. Я подошел к ней, и она попросила меня, вместе с братиком и сестричкой, как она назвала Людочку, постоять с ней. Тогда она вместо одной буханки хлеба, сможет купить сразу четыре. За это она угостит нас газированной водой – она, похоже, видела сцену у киоска. Минут через десять мы втроем наслаждались вкусной водой, каждый из своего стаканчика.

Но не успели мы снова подойти к той же очереди, нас вновь перехватили покупатели. На этот раз мы получили на водичку деньгами. Через полчаса денег уже хватило бы на три порции мороженого. Продавцы хлеба улыбались, увидев нас в пятый раз за утро, но не препятствовали нашему «заработку».

С тех пор я больше никогда не брал денег на воду и мороженое у мамы. И чаще всего ходил на наш промысел только вдвоем с моей «сестричкой» Людочкой. Добычу честно делили пополам. Иногда Людочка отдавала свои деньги маме. Когда это случилось впервые, ее мама очень удивилась и даже испугалась. Она успокоилась только, когда я подтвердил все, что рассказала ей Людочка, вручая деньги. В ее семье они были совсем не лишними.

А однажды мы с Людочкой совершили большой поход. Я часто рассказывал подружке про лагерь, где когда-то жил, про немецких друзей, которые подарили те самые игрушки, в которые мы играли. Мне очень хотелось увидеть всех, кого уже не видел больше года. Я знал, как дойти до лагеря. Это было не очень далеко от нашего дома. Но не знал, пустят ли меня в лагерь. Ведь столько времени прошло. Может, и самого лагеря давно нет.

Лагерь оказался на месте. Вход в зону теперь был у нашего бывшего домика. Смело подошел к вахтеру, стоявшему на посту у входа.

– Стой! Куда идешь? – строго спросил вахтер. Я его никогда не видел. Значит, новенький.

– Я Толик. Я здесь жил. У меня здесь живет подружка Любочка. Вон, в том домике. И мои друзья немцы. А еще дядя Вова Макаров здесь работает. Я хочу их увидеть и показать моей сестричке Людочке, – сказал ему.

– Старшины Макарова сегодня не будет. Никакая Любочка здесь не живет. Здесь вообще никто не живет. Это поликлиника. И какие у тебя могут быть друзья немцы, мальчик? Они

наши враги. Иди отсюда, – подвел итог вахтер. В это время я увидел знакомого немецкого солдата.

– Ганс, – позвал его, – Я Толик. Мне нужен мой друг – гер Бехтлов. Позови его, пожалуйста, – крикнул ему по-немецки. Заслышав немецкую речь, вахтер в недоумении уставился на меня.

– Ты говоришь по-немецки? – удивился он, – Все равно нельзя. С ними вообще нельзя разговаривать, особенно посторонним. Иди отсюда, – окончательно рассердился вахтер. Немец не понимал, что он говорит, но, подойдя, терпеливо ждал.

– Ганс, позови вашего офицера, пожалуйста, – попросил его, зная, что наши солдаты не ссорятся с немецкими офицерами. А вот немецких солдат они не уважают, хотя, по-моему, солдаты лучше.

– Яволь, гер Толик, – улыбнувшись мне и Людочке, сказал Ганс и, махнув на прощанье рукой, быстро скрылся в огромном здании института.

Минут через десять к нам вышел немецкий офицер. Я его помнил и по давней привычке вытянулся по стойке смирно, снова удивив вахтера. Он поворчал для порядка, но все же пропустил нас с Людочкой в зону к офицеру и закрыл за нами калитку.

– Я помню тебя, мальчик, – улыбнулся офицер, и, как обычно, похлопал по плечу, – Гер Бехтлов уже в Германии. Скоро мы все уедем отсюда. А солдаты на работе. Я скажу им, что ты приходил. Они будут рады. А это твоя сестричка? – улыбнулся он Людочке.

Я взглянул на Людочку и увидел, что она испуганно смотрит на немца. Да и как не испугаться, увидев вблизи настоящего немецкого офицера в невиданной форме, затянутого в портупю с кобурой для пистолета, да еще говорящего что-то непонятное на незнакомом языке.

– Так точно, господин офицер. Ее зовут Людочка, – отрапортовал офицеру, – Не бойся. Он просто спросил о тебе. Я сказал, что тебя зовут Людочка, – пояснил «сестричке» смысл нашего разговора с офицером.

– Я не боюсь, – сказала Людочка, с опаской поглядывая на офицера.

– Подожди меня, мальчик, – сказал офицер и быстро ушел.

Вахтер больше не гнал нас. И я с удовольствием показывал Людочке мои бывшие владения.

Минут через пятнадцать офицер снова вышел к нам. Он протянул Людочке маленькую фарфоровую куколку и шоколадку:

– Это кукла моей дочери. Она всегда была со мной. Пожалуйста, девочка, – «сестричка» посмотрела на меня. Я кивнул, и она взяла подарок офицера, – Скоро я увижу мою дочь. Она уже выросла, и кукла ей не нужна, – пояснил офицер. Я перевел Людочке слова офицера.

– Спасибо, – поблагодарила Людочка. Я перевел, добавив от себя привет его дочери от нас с Людочкой.

– Пожалуйста, мальчик, – подал он шоколадку и мне. Я поблагодарил. Вдруг он открыл кобуру, вытащил оттуда пистолет и протянул его мне, – Вот и все. Конец войне, – улыбнулся он.

Я давно знал, что некоторые немецкие офицеры носили игрушечные пистолеты из дерева. Они лишь выглядели, как настоящие, а были для того, чтобы кобура не выглядела пустой, некрасивой.

Но вдруг увидел, что Людочка испугалась. Неожиданно испугался вахтер и в панике схватился за оружие. Похоже, как новенький, он не знал, что у немца пистолет не настоящий. Я тут же ему все объяснил. Вахтер рассмеялся. Людочка успокоилась.

Я еще раз поблагодарил офицера и вахтера, и мы с Людочкой навсегда покинули лагерь немецких военнопленных.

Зимой я купил у Толика Фрица старые лыжи без палок и без креплений. Крепления сделал из ремней старой отцовской португеи. Сделал и самодельные палки, которые, правда, приходилось ремонтировать после каждого лыжного похода. Я проложил лыжню вокруг угольной кучи. И всю зиму мы по очереди катались на лыжах. Круг – я, круг – Людочка, круг – мой брат.

К следующей зиме попытался сделать коньки. Просто выпилил их лобзиком из фанеры. Конечно же, у меня ничего не получилось. На моих коньках нельзя было даже стоять – не то, чтобы куда-то двинуться. Глянув на мою работу, отец сказал, что в детстве они тоже делали коньки, но не из фанеры, а из поленьев, прибывая к низу каждого конька металлическую полоску. Вскоре такие коньки были готовы. Я прикрутил их веревками на валенки. Для этих коньков оказался ненужным лед. На них можно было кататься по плотному снегу, то есть скользить по любым утоптаным дорожкам. Меняясь обувью, мы теперь, как и прежде, по очереди катались на этих самодельных коньках.

Но как только мне удалось еще немного «заработать», купил в магазине коньки «пионеры», которые по-прежнему приходилось прикручивать веревками все к тем же валенкам. Зато можно было выходить на лед.

Когда подросли, нам уже не запрещали бывать там, где пожелаем. Сначала мы посещали большой двор, где были качели и небольшая карусель. Позже освоили дорогу в центральный парк, где был целый детский городок с качелями, каруселями, лестницами, бочками и прочими приспособлениями для детских забав. В парк уже ходили вчетвером. К нашей троице к тому времени уже давно присоединилась Ирочка.

У Ирочки был трехколесный велосипед. У нас с братом тоже был велосипед, и тоже трехколесный, но попроще, и без одной педали. На этих велосипедах мы проводили гонки по трассе, проложенной в нашем дворе.

Вскоре отвалилась и вторая педаль. И тогда велосипед превратился в тележку. Вместо лошади, обычно впрягался я. Кучер сидел в велосипедном седле, а сзади, на перекладине, стоял пассажир. Таким вот был наш личный транспорт.

Когда мы все уже учились в школе, как-то летом мы с братом обнаружили, что совсем недалеко от нашей улицы есть небольшой пляж на речке Лопань, протекающей через город. Взрослые там не купались, потому что речка в том месте была мелковата, да и вода в ней была чаще грязной, чем чистой. Но для нас все было в самый раз.

И у меня возникла проблема, в чем купаться. В деревне, куда нас с братом обычно отправляли на все лето, такой проблемы не было. Дети нашего возраста в деревне купались голыми. Мальчики в одном месте, девочки в другом. Здесь же я стеснялся купаться при Людочке в «семейных» трусах. У девочек, похоже, были свои проблемы. Они уже стеснялись купаться без лифчиков, хотя их еще не носили. Так что тот пляж так и не стал нашим.

И только гораздо позже, когда была построена плотина и возникло целое водохранилище с большой зоной отдыха, а у нас не стало проблем с купальниками, мы открыли для себя эти новые пляжи. В то лето мы с братом вернулись из деревни в начале августа. Уж очень нам там все надоело, и было скучно. Родители сжалились и вернули нас в город. Но август в городе оказался на редкость жарким. Так на весь август, и вплоть до середины сентября, мы, с нашими девочками, стали завсегдатаями этих новых пляжей. До нашей с Людочкой первой весны оставалось чуть меньше двух лет.

А за год до памятной весны я впервые увидел Людочку в качестве участницы спортивных соревнований. Тогда соревнования школьников в масштабе города часто проводились в новом большом спортивном зале нашей школы.

Я так обрадовался, когда увидел мою подружку среди гостей школы. Подошел к ней и пригласил ее к нам – в нашу команду. Мне хотелось показать ей школу, наши кабинеты и мастерские, подобных которым еще не было ни в одной школе города. Но Людочка улыбнулась и сказала, что она – участница соревнований, а потому будет очень занята. Я удивился, хотя и знал, что она вот уже года три занималась художественной гимнастикой. Иногда она развлекала нас, ловко орудуя палочкой с привязанной к ней ленточкой. Это было красиво, но мы как-то не воспринимали всерьез такой несерьезный вид спорта.

– Хорошо, Людочка, успехов тебе. Мы все будем болеть за тебя, – сказал ей просто так, потому что совершенно не знал, как моя подруга подготовлена к этим соревнованиям и на что она способна.

– Спасибо, Толик. Но ваша школа – наш основной соперник. Так за кого ты будешь болеть? – озорно улыбнулась Людочка.

– Людочка, ты еще сомневаешься? Конечно же, за нашу команду, – я намеренно сделал паузу и увидел, что Людочка вдруг потускнела после моих слов, – А Ирочка тоже в нашей команде? – спросил ее с намеком. Людочка, тут же поняла, какую команду я имел в виду, и снова приветливо улыбнулась:

– Конечно. Но от нее особых результатов пока не ждут.

– А от тебя ждут результаты? – спросил ее удивленно.

– Смотри и сам увидишь, – загадочно ответила Людочка, и, приветливо махнув рукой, быстро скрылась в раздевалке.

Подошел к нашим гимнасткам и поинтересовался шансами школы, в которой училась Людочка. Конечно же, мне сказали, что командные шансы невелики. А вот есть там одна девочка, которая вполне на уровне. Она, пожалуй, может даже претендовать на призовое место. Уточнять ничего не стал, но подговорил нескольких наших ребят из класса посодействовать и поболеть за моих подруг из другой школы. Они пообещали.

И вот уже почти все выступили. Неплохо выступила Ирочка. Мы ее громко подбадривали. Но, увы, она сделала несколько ошибок, и ее результат действительно оказался невысоким.

Еле дождался, пока, наконец, появилась Людочка. Ее, как надежду школы, поставили под занавес соревнований. Я ее не узнал. Выглядела она великолепно. По телосложению она казалась далеко не тринадцатилетней девочкой-подростком. Я всегда считал ее очень худенькой и маленькой. Такой видел ее в прошлом году на пляже. Но на ковре стояла идеально сложенная девушка, на вид лет шестнадцати, в красивом спортивном купальнике новейшей модели. Людочка была собрана и сосредоточена. Ее смуглое личико было слегка бледным, очевидно, от внутреннего волнения. Волосы аккуратно убраны. Но ее взгляд... Он был жестким и решительным. Такой Людочки я еще никогда не видел. Мои ребята переглянулись.

– Да-а-а, Толик, эта подружка у тебя, что надо. За такую и без твоей просьбы можно поболеть, – сказал кто-то из наших.

Пошла музыка. От неожиданно охватившего меня сильного волнения, дальнейшее видел, как в тумане. Мне казалось, что смотрю в киножурнале выступление какой-нибудь известной спортсменки. Настолько необычным для рядовых школьных соревнований было это выступление моей подружки.

Каскад сложных элементов был выполнен так безукоризненно и с такой непостижимой для хрупкой девичьей фигурки легкостью, что, казалось, временами ее подхватывали невидимые крылья. При этом девушка сияла своей открытой всему миру улыбкой.

Я не ожидал от Людочки ни такой техники, ни такого артистизма. Я вообще ничего такого от нее не ожидал. Когда она закончила свое выступление, зал чуть ни обрушился от шквала

аплодисментов. Аплодировали все, даже ее недавние соперницы. Естественно, она заняла первое место. До нашей первой весны оставалось восемь месяцев.

Увидеть Людочку сразу после выступления не удалось. После награждения все рвались ее поздравить. Но тренеры никого к ней не допускали. Мы встретились с Людочкой, как всегда, вечером. Она была немного уставшей, но довольной. А главное – она была той Людочкой, которую знал всегда. Одним словом, она снова была самой собой.

– Ну, Людочка, мои друзья от тебя в восторге. Ты всех покорила своим выступлением. Тебе аплодировали даже твои соперницы. Поздравляю, – высказал ей свои впечатления.

– А тебе понравилось?

– Людочка, конечно!.. Я смотрел на тебя и от волнения боялся дышать. В себя пришел, когда стихла музыка, и все зааплодировали.

– Я очень хотела, чтобы тебе понравилось.

– Людочка, я в восторге от тебя. Очень понравилось. Честно, не ожидал.

– Я очень старалась, – сказала довольная Людочка, и мы отправились с ней по нашему обычному маршруту.

Теперь мне стало ясно, откуда в Людочке временами проявлялась необычайная координация движений, быстрота реакции и прочее, что может быть названо одним словом – ловкость.

– А я на тебя сегодня чуть было ни обиделась, – неожиданно для меня заявила Людочка. Я насторожился:

– За что?

– Пока оказалось не за что. Хорошо, сразу поняла твою шутку. А вот если бы от волнения не поняла?.. И выступила бы хуже. Тогда уж точно обиделась.

– Ну, Людочка, ты меня сегодня целый день удивляешь. Да разве я мог бы за кого другого болеть, если ты выступаешь? – горячась, ответил ей. Людочка удовлетворенно улыбнулась:

– Нас, девушек, легко обидеть, – выдала она очередную неожиданность.

– Людочка, откуда ты знаешь? Разве я когда-нибудь тебя хоть чем-нибудь обидел? Вот сейчас возьму, да и обижуь на тебя за твою обидчивость, – еще больше вознегодовал я. И мы оба рассмеялись – сначала Людочка, а за ней я.

– Мама часто любит повторять эту фразу. Видно, обидел ее кто-то когда-то... А от тебя, Толик, я ничего плохого не видела. Тебе я всегда верила, как самой себе, – снова потрясла меня Людочка. Похоже, сегодня был ее день, – Знаешь, я так хотела, чтоб ты видел мое выступление. А когда увидела тебя в зале, уже знала, что выступлю, как никогда, и обязательно буду первой, – Людочка замолчала, а я впервые не знал, что ответить – так хорошо она все сказала.

Я вдруг понял, что маленькая девочка Людочка выросла. Она уже вполне взрослая девушка. А вот бывают ли девушки подружками? Не знаю, но думаю, скорее нет, чем да. И что тогда? Конец нашей дружбе? Вряд ли, судя по ее последним словам. Ну и загадку загадала подружка.

Людочка нравилась мне всегда – с нашей самой первой встречи. Она казалась привлекательной, даже когда была совсем маленькой девочкой. Но с этого поворотного дня я почувствовал к ней какое-то особое, еще не до конца осознанное влечение. Не знаю, чувствовала ли тогда Людочка что-то подобное. Но, судя по ее словам, вполне возможно. Она вдруг как-то повзрослому стала высказывать свои, или услышанные от кого-то, но разделяемые ею, суждения о жизни. В тот вечер она впервые говорила со мной так, что не знал, как ей ответить.

Я еще не был готов к таким разговорам. Ведь до сих пор в отношениях с Людочкой вел себя, как старший по возрасту. И она никогда не спорила, принимая мои слова и поступки на веру. Я опекал ее, и ей всегда нравилась эта опека. Сегодня же интуитивно почувствовал, что Людочка предложила совсем другие отношения – отношения равных личностей. Похоже,

победа в соревнованиях, которую она хотела и которую добилась, как бы опираясь на мою моральную поддержку, но, безусловно, самостоятельно, позволила ей почувствовать себя личностью.

Целую неделю я размышлял, чувствуя, что мое отношение к Людочке с каждым днем меняется радикальным образом. Я вспоминал наши наивные и трогательные детские отношения, когда представлял себя старшим братом моей маленькой подружки и старательно исполнял эти обязанности. И даже одно время, как старший ребенок, которому доверен младший, обсуждал некоторые особенности поведения «сестрички» с ее мамой. Я вспоминал, как она впервые удивила меня тем, что совсем как взрослая, ухаживала за своей едва научившейся ходить сестричкой. А мне еще не доверяли младшего брата.

И вот теперь, когда она удивила тем, что блестяще выполнила то, что мне, да и большинству людей, сделать не удастся никогда, я вдруг увидел ее в новом свете. Она заявила о себе, как о неординарной девушке, у которой со временем может оказаться множество поклонников – целые толпы, не дающие прохода. И я видел, какими глазами мои друзья, да и многие в том зале, смотрели на это чудо расцветающей женской красоты и гармонии – на мою подружку. В тот момент я ревновал мою Людочку ко всем присутствующим в зале, лишь потому, что они смотрели на нее с восторгом и обожанием.

И я вдруг ясно понял, что люблю Людочку. «Я люблю Людочку, и не уступлю ее никому на свете», – эта мысль впервые заставила затрепетать мое юное сердце.

Но одновременно с этой мыслью отчетливо понял, что для всех, и даже для самой Людочки, отныне моя юная подружка осталась таковой только на словах, потому что она вдруг стала для меня недостижимым небожителем. И женское сердце этого божества мне еще предстоит завоевывать в битвах с множеством потенциальных соперников, самым сильным из которых буду я сам. И мне придется постоянно сражаться с самим собой. Потому что одно из этих моих я будет по-прежнему видеть в Людочке несмышленища. А это – залог поражения в битве, которая может вскоре развернуться.

Прежде всего, мне надо измениться самому. А много ли у меня для этого возможностей? Есть ли они вообще? Ведь я еще только старшекласник. Ну, учусь хорошо. А что еще могу предъявить такой шикарной девушке, какой в скором времени наверняка станет моя Людочка? Ну, мечтаю стать то ли легчиком, то ли физиком. Пока еще не решил. А что я сделал для того, чтобы приблизить мою мечту? Ничего...

Людочка, потихоньку от меня, вдруг стала чемпионкой города среди школьников, получила первый юношеский разряд по художественной гимнастике. А я – друг, даже не знал об этих ее достижениях последних лет. Или не принимал ее занятия всерьез, считая их пустым делом. Но ведь Людочка так не считала. А значит, я совсем не знал Людочку. Вот это друг! А еще рассчитываю на ее признание, и даже на любовь. Так не бывает. Пока она по инерции еще признает во мне лидера, потому что так было, сколько она себя помнит. Но будет ли так всегда? Если я не удивлю ее в ближайшее время так, как она удивила меня, мне не на что надеяться. Только на ее сочувствие к бывшему другу. А можно ли любить человека, которому всего лишь сочувствуешь? Такой человек не может стать идеалом для молоденькой девушки, ищущей свой путь в этом мире и достойного спутника на нелегком пути...

И я неожиданно для Людочки, просто не показываясь ей на глаза, пропал для нее на целый месяц. Когда после задуманного месячного перерыва в наших отношениях мы, как бы случайно, увиделись, отметил, что Людочка очень обрадовалась этой встрече, и тут же засыпала вопросами, почему и куда я исчез. Но когда сообщил ей, что очень занят, потому что посещаю занятия в аэроклубе и секцию бокса на стадионе «Динамо», сразу заметил, как радостно

заблестели ее глаза. Похоже, что попал в цель, вызвав неподдельный интерес Людочки к своей персоне.

– Интересно, интересно. Теперь понятно, почему тебя давно не было видно. Расскажи подробней, – попросила Людочка.

– Про что сначала? Про аэроклуб, или про бокс? – спросил ее.

– Да про бокс все понятно. Непонятно только, зачем это тебе? У этих боксеров кулаки с твою голову. И бьют по голове. Это какую крепкую надо иметь?

– Людочка, кулаки у них обычные. Они большие, потому что в перчатках. А перчатки как раз и нужны для того, чтобы голову не разбить и кулак не повредить, – пояснил ей, – А мне это так, для общего развития. Как спорт, бокс меня не интересует. Зато, тренируясь, привыкаешь правильно держать удары, уклоняться от них, и сам, при случае, можешь припечатать, как надо. Да и на скакалочке тебя, пожалуй, перепрыгаю. А раньше совсем не умел.

Не успел договорить, Людочка, как истинная спортсменка, тут же проверила мою подготовку, попытавшись ударить без всякого предупреждения. Удары, конечно, были не сильными, но достаточно резкими, а главное – неожиданными. И сделала она это так ловко, будто часто практиковалась. Правда, теперь меня это уже не удивило. Может, их и этому учили на тренировках. Как знать.

Первый удар, которого от мирно стоявшей прямо передо мной подружки совсем не ожидал, блокировал чудом, автоматически. А от второго, уже как на тренировке, легко уклонился с условным встречным ударом по корпусу в зону солнечного сплетения. Людочка охнула, когда мой кулак коснулся ее чувствительного места, а потом вдруг рассмеялась.

– Это вы так легко бьете? Так и я смогу боксом заниматься.

– Людочка, удар я, только обозначил. Но ты сильно рисковала. Больше так не делай. Договорились?

– Хорошо, – ответила Людочка, – А вы действительно по-настоящему бьете?

– Конечно, – подтвердил я, – В полную силу.

– Как это? – удивилась подружка.

– Подставь руку вот так, я ударю вполсилы. А если в полную, руку отобью, посильней, чем мячом, – предложил ей.

– Нет, не надо, – засмеялась Людочка, – Я уже почувствовала, когда ты совсем, оказывается, не ударил. Да... В боксе, конечно, что-то есть, но мне кажется, не стоит рисковать здоровьем ради простой драки.

– Согласен, – поддержал я Людочку, – Как надоест, брошу. Главное, освоить азы. Всегда может пригодиться.

– А в аэроклубе, что делаешь? – перевела Людочка разговор на другую, более интересующую ее тему.

– Пока хожу на теоретические занятия. Изучаем конструкцию планера и теорию полета. А потом будем изучать много чего, чтобы летать. Полетные карты, навигационные приборы и даже метеорологию.

– А летать хоть будете? Или тоже теоретически?

– Конечно, будем. Но только летом, в Крыму. Там для планеров самая подходящая погода. Летать можно каждый день. Так что, Людочка, лето предстоит насыщенное. Да и море там рядом. А то я еще ни разу не видел моря, хотя давно о нем мечтаю. И о небе, и о море.

– А на самолетах будешь летать?

– Это после планера. Хотя многие говорят, что после планера на самолете уже неинтересно.

– Почему это?

– Летать на планере – это искусство. А на самолете – техника. Планер – он без мотора летает. Поэтому планерист должен все время видеть небо и знать, как его использовать, чтобы воздушные потоки тебя удерживали в полете, а не мешали. Планер – это, как парусник в море. А самолет – это уже теплоход.

– А кроме полетов, что у вас будет?

– Не знаю, Людочка. Еще расскажут. Знаю только, что перед полетами должны будем прыгать с парашютом. Говорили, не меньше трех прыжков.

– Да, Толик, интересная у тебя жизнь, – констатировала Людочка, с восторгом глядя на меня. Я был доволен собой, но, похоже, сам с еще большим восторгом смотрел на миленькое личико моей сияющей счастьем богини. И мне нравилось, что она оценила мои старания. Я смог ее удивить не меньше, чем меня удивила тогда моя чемпионка.

– Людочка, а у тебя разве хуже? Тебе сейчас наверняка твой тренер скучать не дает. И планов тоже уйма.

– Еще каких. У меня теперь целых два тренера. Всерьез за меня взялись. Я уже их боюсь.

– Не бойся, Людочка, я тебя в обиду не дам. В случае чего, сбежим от них на планере.

Мы с Людочкой рассмеялись, и, взявшись за руки, не сговариваясь, пробежали почти целый квартал, а уже потом пошли потихоньку по маршруту наших традиционных прогулок. До нашей первой весны оставалось чуть больше полугода...

И вот он наступил первый день нашей первой весны – восьмое апреля 1961 года. Этот день мы с Людочкой запомнили навсегда. Это был наш день.

Весна в том году выдалась ранняя, особенно в наших местах. Позже немного похолодало, но именно тот памятный день был на редкость теплым.

Я, наконец, сдал последний зачет в аэроклубе. Никаких занятий в клубе больше не предвиделось – нам дали возможность завершить учебный год в школе. Впереди предстояло самое интересное – поездка в Крым, полеты и отдых на море. Но до того, мы должны успешно сдать школьные экзамены, иначе, предупредили нас в клубе, о поездке можно забыть.

Экзамены особенно не волновали. За мою школьную жизнь столько их уже было. К тому же, учился я хорошо, нисколько не напрягаясь.

В секцию бокса уже не ходил. А потому у меня, наконец, впервые за долгое время появился свободный вечер. И мне захотелось увидеть Людочку. Я уже не видел ее месяца три. Да и до того встречались буквально мимоходом. Обычно мы издали приветствовали друг друга нашим приветствием, потом махали чемоданчиками со спортивной одеждой, показывая, куда направляемся, и разбегались каждый в своем направлении. Иногда заходил к Людочке, но, так ни разу не застал ее дома. Ее сестра обычно сообщала, что она недавно ушла на тренировку и будет нескоро.

Все эти долгие месяцы часто думал о Людочке. Я уже нисколько не сомневался в моей любви к этому дорогому человечку. Мне казалось, что и моя бывшая подруга вполне может ко мне относиться не так, как к другим. Но, как всякого любящего человека, постоянно одолевали сомнения. А сможет ли Людочка полюбить? Или, может, она так и будет воспринимать меня, как свою подругу? А если полюбит, то, когда? И как я узнаю об этом? А что дальше? Сможем ли мы дружить с Людочкой, если вдруг окажется, что меня она не любит и никогда не сможет полюбить?

Я вдруг понял, что просто не могу потерять мою Людочку, даже как подругу. Настолько дорогой она стала для меня за все эти годы нашей детской дружбы.

Так хотелось поскорее прояснить ситуацию. Объясниться, наконец. Но, с другой стороны, понимал, что Людочка, просто по возрасту, может быть не готова к таким объяснениям. И тогда я могу разом потерять ее и как подругу, и как любимую девушку.

Я мучился этими сомнениями и просто не знал, что делать, как поступить. И чем меньше мы виделись с Людочкой, тем больше сомнений появлялось. Иногда мне казалось, что дни нашей дружбы позади. Ведь мы не видимся с моей подружкой месяцами, находясь так близко друг от друга. Может быть, я ей уже совсем не нужен?

В тот вечер я даже не надеялся застать Людочку дома. Я помнил, что по расписанию у нее вечерняя тренировка. А потому просто шел по нашему маршруту, размышляя о своих проблемах. Навстречу шла какая-то девушка. Мельком взглянув на нее и автоматически отметив ее привлекательность и красивую походку, больше не обращал на нее внимания, приняв за одну из многочисленных студенток из общежития, где жила Людочка. Вдруг девушка улыбнулась и еще издали поприветствовала меня особым жестом.

«Да это же Людочка, – сообразил я, – Кто же еще мог бы так меня приветствовать». Но как она изменилась, пока ее не видел!.. Зимой она бегала на тренировки все в том же стареньком пальтишке, из которого давно выросла. И покрывалась, как все молодые женщины того времени, серым шерстяным платком, который был ей и головным убором, и шарфиком. И все эти полгода я видел ее только издали. А сейчас ко мне, улыбаясь, приближалась необыкновенно красивая девушка, одетая лишь в скромное легкое платьице и туфельки на невысоких каблучках. За зиму Людочка стала чуть выше ростом, и уже совсем не казалась худенькой, какой ее знал всегда. В своем легком одеянии она была такой женственной, такой яркой и привлекательной, что мне показалось, будто это не Людочка, а сама Весна шла мне навстречу в образе моей дорогой подружки.

Я бросился к ней. Она ко мне. Мы подбежали друг к другу и остановились в шаге, не зная, что делать дальше. Я восторженно смотрел на незнакомую Людочку, а она, впервые за время нашей дружбы, вдруг, совсем как девушка перед юношей, опустила глаза и покраснела.

Мне хотелось взять ее за руки и сказать: «Людочка, любимая моя, здравствуй. Как же долго я тебя не видел. Как соскучился по тебе, моя миленькая подружка, моя драгоценность, моя богиня». Но я молчал, не в силах преодолеть охватившее меня сильное, до дрожи в коленках, волнение. Молчала и смущенная встречей Людочка...

Она первой вышла из ступора.

– И где же ты пропадал все это время? – бросив быстрый взгляд, смущенно улыбаясь, спросила Людочка.

– Людочка, ты же знаешь. Вот только сегодня сдал последний зачет в аэроклубе. Представляешь, я допущен к полетам! Летом начнем летать... Твои как дела, Людочка? Тебя даже дома не застанешь. Как ни зайду, ты на тренировке. Тебе разве Светлана не говорила, что я заходил?

– Конечно, говорила. Но я тоже все это время занималась. Очень устала от больших нагрузок. Со вчерашнего дня мне разрешили щадящий режим. Врачи рекомендовали тренеру на целых два месяца снизить нагрузки на мой бедный организм. Так что сегодня даже на тренировку не пошла... Ну, а ты, Толик, молодчина. Добился своей цели. Мне и самой хотелось бы полетать. Но страшно... А тебе не страшно?

– Нисколько. Я уже давно мысленно летаю. Думаю, в действительности это еще прекрасней, чем в мечтах... Хочу, чтоб поскорее прошли эти два с половиной месяца. И тогда бы увидел небо своими глазами.

– Не торопись, увидишь. Я в тебе никогда не сомневалась... Пойдем, лучше погуляем. Вечер сегодня такой хороший. Я уже давно не гуляла. Все бегом и бегом. Только школу и спортзал видела все эти дни. И сегодня меня дома тоже ждут очень поздно. Если хочешь, можем гулять допоздна.

– Людочка, я вообще не надеялся тебя увидеть. А ты вдруг даришь мне целый вечер. Я просто счастлив, прогулять его с тобой.

Весь тот памятный вечер мы ходили с Людочкой, взявшись за руки, и говорили обо всем на свете. И, как всегда после долгой разлуки, не могли наговориться. Подошло время «возвращаться с тренировки», а мы не могли расстаться. Людочка сходила домой и отпросилась у мамы еще на полчаса, потому что «случайно встретила Толика». Расставаясь, договорились о завтрашней встрече.

Я пришел домой, и почти сразу лег спать. Так хотелось, чтобы поскорее настало завтра, и мы снова увиделись с моей Людочкой. Но сон не шел.

Я с удовольствием вспоминал милый образ моей необыкновенно красивой девушки. Это была все та же Людочка, и все же она была чуть другой, почти незнакомой. Я вдруг отчетливо понял, что наша дружба с Людочкой в прошлом. У нас теперь могут быть только новые отношения. И, кажется, нам совсем незачем объясняться. Людочка была так рада нашей встрече. Какие тут могут быть сомнения?

«Да ты, братец, самонадеянный болван. Ведь это только ваша первая встреча после долгой разлуки. А чем ты удивишь любимую завтра? А послезавтра? А потом? А вдруг тебе уже нечем будет удивлять свою Людочку. Думай, а не расслабляйся, надеясь на легкую победу. Вы еще так и не обсудили твои занятия боксом. Что ты ей расскажешь? Ведь она может подумать, что ты просто струсил», – рассуждал внутренний голос.

И я вдруг вспомнил последнюю тренировку. Это было всего месяц назад. А я еще до сих пор не оправился от травмы. Как же глупо все вышло. Была ли в том моя вина? Может быть, хотя, как я понял, никто так не считал, включая обоих наших тренеров.

Тогда мне просто не хватило пары для спарринга. Такое бывало и раньше. Я уже собрался поработать со снарядами. Как вдруг в зале появился незнакомый парень моей комплекции. Я обрадовался, но тренер сказал, что нам нельзя работать вместе. Мой подходящий по общим данным напарник, хоть и пришел на тренировку после долгого перерыва – боксер-перворазрядник, а я еще только новичок.

Однако через полчаса тренер изменил свое мнение. И нас поставили в паре, строго предупредив напарника, чтобы отрабатывали только то, в чем был подготовлен я.

Вначале я опасался противника, но вскоре заметил ряд ошибок, чем и воспользовался, несколько раз пробив его оборону. Меня это вдохновило, но партнер вскоре предупредил, чтобы не увлекался сильными ударами. Увы, как дозировать удары, я не знал и бил в полную силу, как учили.

Третьего предупреждения не последовало. Неожиданно перестал понимать действия противника. И в какой-то момент попался на его финт. Отбив его удар, и пытаясь нанести встречный, вдруг получил серию сильных ударов, буквально со всех сторон. Такое мы не проходили. Руки сами опустились, и я пропустил мощный удар в челюсть снизу.

Все поплыло. Я не упал, не потерял сознания, но куда-то пошел, в сторону от противника. Помню, что меня подхватили ребята и усадили на скамейку. Тренер что-то кричал на моего обидчика, что-то спрашивал у меня, но я не разбирал его слов.

Потом почувствовал запах нашатыря, и постепенно стал приходить в себя. Меня тошнило, сильно болела голова. Вызвали врача. Он постепенно привел меня в чувство. Домой отправили в сопровождении.

Дома мне, естественно, запретили дальнейшие занятия боксом. Я бунтовал. Но когда через неделю появился на тренировке, мои занятия на целых три месяца запретил врач.

Вот и в эту ночь, как и в ту, после травмы, я так и не смог уснуть, получив в этот раз приятный нокаут от любимой девушки.

Мысли водили хороводы. И вдруг, впервые в жизни, они стали оформляться в нечто новое для меня. Неожиданно сами собой пошли рифмованные строки.

К удивлению, очень быстро возникло мое первое стихотворение. Оно было несовершенным, но моим. Я это ощутил даже тогда. И оно отражало именно то, о чем думал в ночь после первого дня нашей с Людочкой первой весны:

Я еще не брался за перо,
Не писал стихов я никогда.
Чувствовал, что время не пришло,
Да и нет таланта, иногда.

Но вот шестнадцать мне пришло,
Тогда ты, время, подошло —
Как солнце, ранняя весна
Согрела душу мне, лишила сна.

Тебя, девчонка, знаю я давно,
Мы с детства вместе – во дворе, в кино.
Но я сегодня понял, что отныне
Ты мне дороже, чем вода в пустыне.

Еще не знаешь ты, что я тебя люблю,
Что жизнь свою тебе навеки отдаю.
Так знай, что, невзирая на года,
Я буду помнить о тебе всегда.

Глава 13. Маленький Наполеончик

Я вдруг очнулся от воспоминаний. Часы показывали девять вечера. Оказывается, опоздал и на ужин. Пойду к кому-нибудь на огонек. С фляжкой спирта примут везде. Пить не тянет, но придется за компанию. Есть-то хочется. Ведь уже больше суток без еды...

Опостылевший макет, наконец, убрали. По некоторым сведениям, пуск мог состояться не ранее весны следующего года. Было очевидно, что часть, от нечего делать, займется общевоинской подготовкой, включая примитивную армейскую муштру...

Как всегда, по завершении этапа работ, проводили профилактику оборудования. В тот раз руководство профилактикой впервые на моей памяти поручили Шуру Шашеву. Так я оказался временно подчиненным большому оригиналу и главной комической фигуре нашей команды. Бойцы называли его «Маленьким Наполеончиком». И это прозвище как нельзя лучше подходило Шурику.

Совсем недавно Шура прибыл из отпуска.

– Где отдыхали, товарищ старший лейтенант? – то ли в шутку, то ли всерьез спрашивали бойцы, рассчитывая, очевидно, на его неадекватную реакцию, которая всегда забавляла. Шашев не стал отвечать на сыпавшиеся со всех сторон вопросы.

– Дежурный, объявите построение команды. Дневальный, карту и указку, – выдал необходимые команды Шашев.

Через минуту все стояли в строю. Два рослых бойца держали огромную карту страны, вынесенную из красного уголка. Сержант стоял с указкой. С важным видом Маленький Наполеончик приблизился к строю.

– Указку, – скомандовал Шашев. Взяв ее, деловито подошел к карте, – Советский Союз... Псковская область... Опочка. Здесь я отдыхал, товарищи бойцы. Вопросы есть? Нет вопросов. Концерт окончен. Разойдись.

А сейчас у Шашева возникла другая проблема:

– У тебя канистра есть? – спросил он.

– Откуда, Шура?

– Плохо. А банки трехлитровые?

– Навалом.

– Отлично. Выдвигаемся в гостиницу... Не буду же я все двадцать литров спирта изводить на эту бессмыслицу. Литров десять надо отлить.

И вот строй бойцов из пятнадцати человек стоит у гостиницы, а мы с Шурой и бойцом, который тащит канистру со спиртом, движемся ко мне – на пятый этаж.

Наполнили три трехлитровые банки. Подумав, Шашев отлил спирт в четвертую банку. Мы уже вышли из номера, когда он приказал вернуться и наполнить пятую:

– обойдемся и пятью литрами.

– Шура, а как ты будешь отработку сдавать? – спросил его, уже имея опыт сдачи грязного спирта, называемого отработкой.

– Воды налью и немного спирта для запаха.

– Шура, не выйдет. Там прапор прибором плотность проверяет.

– Иди ты! – выдал Шура свою коронную фразу, которая, как и у Элочки-людоедки, могла означать, что угодно, – Ладно, налью ему фляжку чистого, – мгновенно решил проблему Шашев.

На стартовой площадке у Шуры возникло множество рацпредложений, направленных на экономию спирта. Результатом явилось то, что на всю профилактику было израсходовано только два литра вместо положенных двадцати.

– Надо было шестую банку налить, – сокрушался Шура.

Наконец, в канистру налили десять литров воды. После чего Шашев дрожащей рукой вылил туда два литра отработки. Конечно же, эту микстуру у него не приняли. Но за литр чистого спирта, как и ожидал Шура, ему поставили нужную отметку. Надо было видеть лицо Шашева, когда прапорщик вылил содержимое канистры просто на землю.

– Что он делает?! Пропали два литра отработки... Надо было наливать чистую воду, – горевал Шура.

Побывав в моем номере, Шашев обнаружил, что у меня есть свободная койка. Это открытие создало мне кучу проблем, вначале маленьких, а затем одну большую.

Началось с того, что Шура повадился ходить со мной на обед. Как и многие, он стремился попасть на первый черпак. А для этого Шура приходил в столовую за полчаса до открытия и потому всегда оказывался в первых рядах.

Ему очень досаждали офицеры, которые стремились проскочить без очереди. Они совали ему мятые рубли и просили взять им что-нибудь. В результате, Шура иногда толкал перед собой пять подносов с едой. Когда-то он делал это с удовольствием, потому что никто не обращался к нему за сдачей. А потому в итоге сам Шура обедал бесплатно.

Но с некоторых пор, кое-кто стал требовать отчета. И Шура придумал, как отшивать таких «мелочных». На всю сдачу с рубля он брал им по пятнадцать, а то и по двадцать кусочков хлеба.

– Что я буду ваши копейки считать? – возмущался Шура в ответ на упреки пострадавших от его выдумки. Зато те офицеры больше никогда не подходили к Шурику.

После обеда, на который уходило максимум двадцать минут официального времени обеда, Шурик шел ко мне в гостиницу и часа полтора спал на второй койке. С моими планами, да и ни с чьими другими, Маленький Наполеончик, разумеется, не считался.

А когда Шура оставался дежурным по команде, он появлялся в моем номере поздним вечером с твердым намерением хорошо, с пользой для себя, провести остаток этого вечера.

– Выпить, надеюсь, найдется? А то я так устал на этом дежурстве, – пытался вызвать сочувствие Шурик.

– Спирт устроит?

– А что, ничего другого нет? Надоел этот спирт. Видеть его уже не могу.

– Другого нет, Шурик. Не хочешь спирт, не пей.

– Что ж, так плохо?.. Съездил бы на десятку в выходной, привез бы чего-нибудь для друзей. Сделал бы запасы. А то опять глотать эту гидрашку.

– Шурик, ты каждый день на десятке. Взял бы пару бутылок, да привез с собой... И для себя, и для друзей. Не глотал бы ненавистную гидрашку... Ну, как? Будешь спирт?

– Буду, – твердо отвечал Шурик, готовый на халяву пить даже отработку.

Я доставал спирт, ставил стаканы и воду. Нарезал хлеб и вылавливал из очередной трехлитровой банки соленые огурцы. Шурик молча наблюдал за приготовлениями.

– А закуска, где? – наконец подавал он свой возмущенный голос.

– Шурик, какая закуска? Уже полночь. Где ее взять?

– Походи по гостинице. Пригласи девочек. А то одним скучно. Они и закуску принесут.

– Шурик, народ уже спит. Завтра рабочий день. Тебе надо, иди, походи. Послушаешь заодно, куда тебя отправят с твоими просьбами и предложениями.

– Нет, Толик, плохо ты организовал мой отдых... Ладно, наливай, – заключал Маленький Наполеончик.

С его легкой руки мой номер быстро превратился в комнату отдыха дежурных офицеров. Но больше всего поражало, что все, как и Шурик, тут же требовали «хлеба и зрелищ».

– Пригласил бы парочку девочек, а то скучно. Да погорячей, – «гусарствовал» Юрий Иванович.

– Да с шампанским, да к цыганам, – пытался охладить его гусарский пыл.

– Неплохо бы. Кстати, а шампанского у тебя нет? – под бой курантов добивал меня нахальный гость, который утром поедет домой отдыхать после дежурства. Мне же с утра предстояло убрать номер после очередного постояльца, успеть позавтракать в столовой, вовремя явиться на построение и потом целый день проводить занятия. А вечером ждать нового гостя.

Конец этому балагану все же был положен, но не с пользой для меня.

– Как это вы один проживаете в двухместном номере люкс? – спросила меня очередная новая начальница гостиницы, посетив мой номер с какой-то комиссией.

– Впервые слышу, что проживаю в номере люкс, – удивленно ответил ей.

– Это лучший номер в гостинице. Вы его занимаете один, а мы даже не можем выделить комнату для отдыха старших офицеров, – продолжила грузить своими проблемами начальница.

– Лучшим в гостинице этот номер сделал я сам, – попытался, было, вразумить новоиспеченную начальницу, – Своими руками его отремонтировал, и материалы сам покупал. Вы можете то же самое сделать с любым номером.

– Ничего мы делать не будем. А вы, раз такой специалист, сможете другой номер отремонтировать, – заключила начальница, тут же выдав указания администраторам, – Этого товарища немедленно переселить. Номер не занимать.

Мои возмущения, которые тут же довел до сведения командира части, были им проигнорированы. Мне даже показалось, что поиск хорошего номера велся по инициативе командования. А потому в тот же день я оказался в грязном одноместном номере, в котором не было ни воды, ни унитаза. Только дверь без замка, голые стены в непонятных разводах, оконная рама, практически без стекол, и ржавая ванна. Не было, разумеется, кранов, розеток и некоторых выключателей. В общем, спасибо тебе, Шурик.

Конечно же, обратился к Липинскому. Он выделил в помощь Женю Иксанова. И мы с Женей снова, как полтора года назад, сделали из развалюхи одноместный номер люкс.

«Зато в этом номере меня уже никто не побеспокоит», – наивно полагал я. Как же ошибался... Стоило мне появиться в казарме после трехдневного отгула, взятого для переселения, как в обеденный перерыв того же дня, состоянием номера был приятно удивлен Маленький Наполеончик.

– А здесь у тебя не хуже. Краской только пахнет. Похоже, недавно ремонтировали. Тесновато, правда, – делал свои замечания Шурик, – Ладно, ты пока займись чем-нибудь, но сильно не шуми. А я, пожалуй, вздремну, – завершил свою речь Шура, собираясь раздеться.

– Знаешь, Шурик, у меня точно такие же планы. А поскольку койка одна, да к тому же моя, выводы делай сам.

– Иди ты! – раздался возглас Элочки-людоедки, – Ну ты даешь! Кто же так гостей принимает? Ты сходи в администраторскую. Попроси раскладушку, или диванчик.

– Шура, ты в своем уме? Зачем в одноместном номере раскладушка? Для кого? Для шпиона Иванова? А шурики должны ночевать, где им положено – или дома, или в казарме, а не в гостиницах, – негодовал я, удивляясь в душе непроходимой наглости Маленького Наполеончика.

Шурик, похоже, обиделся, хотя, мне кажется, это чувство ему просто незнакомо. Но с неделю не досаждал. Потом появился снова. Он уже понял, что спать на моей койке ему вряд ли удастся, а потому теперь его интересовал телевизор, или магнитофон. Развалившись в кресле, он дремал под уютную музыку, или с интересом смотрел телевизионную передачу. Но я был рад и тому, что все остальные непрошенные гости, наконец, исчезли...

Внезапно наступила настоящая зима. Выпало много снега. Так много, что уже никакой песок не в силах был его засыпать. Потом резко упала температура воздуха. Светило яркое солнце, но мороз стоял, как в Сибирской тайге – градусов под сорок, не меньше.

В автобусе, по дороге с десятки, встретил Валеру Панкина. Я его уже не видел пару месяцев.

– Валера, а ты и сейчас бегаешь? – спросил, зная его любовь к ежедневным длительным пробежкам по дорогам полигона.

– Конечно, бегаю, вот только руки по локти мерзнут, – бодро ответил Панкин.

– Надень перчатки, – посоветовал ему.

– Какие перчатки? – не понял Валера, – Мне надо футболку купить с длинными рукавами. А то приходится в тенниске бегать. Вот и мерзнут. Особенно, когда бегаю с рюкзаком. Там руками не помашешь. Приходится рюкзак с кирпичами придерживать.

Да, у Валеры все в порядке. Его два года службы скоро пройдут. И он забудет все, как страшный сон. Хотя, как оказалось, единственное, что ему досаждало в армии, это необходимость отпрашиваться в горы. Но когда не отпускали, уезжал самовольно. Его начальство делало вид, что ничего об этом не знает.

– А меня переселили в такой номер, что все деньги ушли на ремонт. До полочки осталось всего три рубля. А прожить еще надо дней десять, – поделился с Валерой своими неприятностями, связанными с переселением.

– Вот если бы у меня были три рубля, – вдруг мечтательно вздохнул Валера... Когда же, зная его патологическую бережливость, высказал свое недоумение по поводу отсутствия у него денег, он совсем удивил. Выяснилось, что все деньги он отправляет друзьям на организацию экспедиций в горы, – Они получают на своей работе в два раза меньше, чем я здесь. Так что я им в армии нужнее, – подвел итог своему рассказу альпинист.

– Валера, а как бы ты прожил на эти три рубля? – спросил, ожидая мудрого совета.

– Да на три рубля десять дней прожить невозможно, – резонно ответил Панкин, – Я бы вечером пошел играть в преферанс, – снова размечтался он.

– А ты что, надеешься выиграть?.. А если проиграешь?

– Не проиграю. Просто надо играть осторожнее. И все. Выиграл бы обязательно.

К радости Панкина, тут же отдал ему три рубля, договорившись, что выигрыш поделим пополам. Я уже мысленно расстался с деньгами, надеясь занять у кого-нибудь до полочки. Просто было интересно посмотреть, что выйдет из этой затеи самоуверенного игрока.

Неожиданно, утром зашел Панкин и вручил мою долю выигрыша – двенадцать рублей. Но, когда предложил ему все эти деньги, чтобы снова поиграть, тот, хитро улыбаясь, сказал, что теперь может играть на свои, не делясь выигрышем ни с кем...

Вечером получил очередное послание от того же лейтенанта Макарова. Это был очередной отказ на мою просьбу об увольнении, адресованную министру обороны СССР.

Настроение резко упало. Я размышлял о бесперспективности борьбы с системой, которая, очевидно, настолько окрепла в борьбе со всеми, мне подобными, что отработала стандартный ответ, размножаемый типографским способом, за подписью мистического лейтенанта Макарова.

Но я уже закусил удила. Меня теперь не остановить никому и никакими средствами, потому что мне терять нечего. Я уже и так потерял самое ценное, что было в моей жизни – мою любимую Людочку. И теперь осталась единственная ценность – это моя жизнь, которая со смертью невесты давно потеряла всякий смысл.

Глава 14. Мне весна подарила крылья

В ту бессонную ночь после очередного кукиша от виртуального лейтенанта Макарова нужны были хоть какие-то положительные эмоции.

«Мне весна подарила крылья», – вдруг откуда-то снизу-сбоку всплыла в памяти ключевая фраза одного из моих юношеских стихотворений, – «Я парил в небесах бескрайних, и мне глаз твоих звезды светили», – тут же припомнилось и ее продолжение...

Но ведь все это было, было!.. И весна, подарившая крылья, и бескрайние голубые небеса, и звезды в глазах любимой... Я никогда тебя не забуду, Людочка, потому что именно ты, моя миленькая подружка, подарила мне и первую весну, и крылья, поднявшие в небо в прямом и переносном смысле... Как жаль, что все это в прошлом, которое нет-нет, да и напомнит о себе щемящим чувством неповторимости тех самых счастливых мгновений моей жизни...

И я стал вспоминать дни нашей с Людочкой неповторимой весны. Какими чудесными они были – эти яркие дни нашей первой любви! С того самого первого дня и вплоть до дня моего отъезда в Крым, мы с Людочкой встречались ежедневно. Иногда то были короткие встречи – не больше, чем на часик-полтора. Обычно это было накануне моего, или ее экзамена. А чаще всего, мы были вместе все вечера напролет. И нам, вопреки опасениям живущего во мне скептика, никогда не было скучно вместе.

В первые дни после памятного восьмого апреля, мне показалось, что Людочка стала меня стесняться. Она почти перестала обращаться ко мне по имени. Она избегала прямых взглядов и часто смущалась, заметив, что смотрю на нее. А мне так хотелось смотреть и смотреть на ее прекрасное личико и видеть, хоть иногда, ее чудесные глаза и открытую, добрую улыбку.

Я отметил, что она стала чувствительней к моим словам. Что бы ни говорил в те дни, выслушивала очень внимательно и, казалось, принимала за чистую монету даже мои дурацкие шутки, которые всегда преподносил с очень серьезным видом. Я не мог понять причину этих перемен, но они вовремя насторожили. И я постарался рассказывать Людочке только то, что ее тогда могло интересовать. Стал тщательнее выбирать слова и выражения. И вскоре некоторая, возникшая было, напряженность в отношениях постепенно исчезла.

А двенадцатого апреля мы вместе искренне радовались успешному полету Юрия Гагарина.

– А ты мог бы стать космонавтом? – спросила Людочка.

– Не знаю, – честно ответил ей, – Я даже не думал, что все это произойдет так быстро. Мне всегда нравилась фантастика, и часто хотелось побывать вместе с героями книг на какой-нибудь планете. Но даже в детстве понимал, все это будет нескоро. А оказалось, полеты в космос уже так близки. К тому же Гагарин – летчик. Я тоже хочу стать летчиком. И если удастся стать классным летчиком, все может быть... А так никакого страха перед полетами не испытываю. Мне все это давно интересно и даже любопытно. Я обожаю новую технику и вообще все новое, неизведанное.

Похоже, мои слова понравились Людочке, и она впервые улыбнулась, как прежде, глядя прямо в глаза.

В ту ночь долго не мог уснуть, размышляя над словами Людочки. А ведь она подсказала цель моей жизни. И я решил больше не размышлять, кем стать. В то лето мне предстояло научиться летать. Планер – отличная школа летчика. Но чтобы стать летчиком-космонавтом, как Гагарин, надо летать на самолетах. А значит, второй шаг – это полеты на спортивных самолетах в аэроклубе. И, наконец, третий – училище военных летчиков.

Дальнейшие шаги пока трудно было даже вообразить, а потому планировать их было неразумно...

Под влиянием полета Гагарина и разговора с любимой меня вдруг снова захватили в плен рифмованные строки, которые быстро сложились в стихотворение «на злобу дня». Почему именно на злобу, не понимал, но так тогда говорили.

Я с детства окрылен прекрасною мечтой —
В ракете дерзко устремиться в поднебесье,
Чтоб для людей Земли стать новой звездой,
Могучих двигателей гулкой песней.
Чтоб вся Земля легла вдруг подо мной
Живую картой, глобусом огромным,
А новый мир манил вслед за собой
Сияньем моря звезд на фоне неба черном.

Я так и не рискнул показать это стихотворение Людочке. Мне оно тогда представлялось нескромным. В нем слишком очевидно было отражено желание достичь невозможного. Людочка могла бы подумать, что я просто несерьезный человек, по-детски относящийся к ее словам, в которые она, похоже, искренне вкладывала свои девичьи мысли и чувства.

Все изменения в Людочке сразу стали понятными, когда одиннадцатого мая мы, наконец, без слов открылись друг другу в наших чувствах. В тот памятный день я стал ее Ромео, а она — моей любимой Людочкой.

Все оставшиеся дни до моего отъезда в Крым, мы были по-настоящему счастливы. То были лучшие дни нашей жизни...

И вот он настал — наш последний вечер перед долгой разлукой. Мы встретились с моей любимой Людочкой так, как это было только в ту нашу весну.

Едва завидев друг друга, бросились навстречу, невольно ускоряя шаги. Мы остановились друг против друга, улыбаясь той особой улыбкой радости и обожания, какая может исходить только от чистых душ и любящих сердец.

И теперь я смотрел в глаза любимой, с удовлетворением обнаруживая там только нашу большую любовь. А она не отводила их в смущении. Я взял руки моей любимой Людочки в свои:

– Здравствуй, Людочка.

– Здравствуй, Ромео.

И мы, как всегда в те дни, взявшись за руки, отправились по нашему самому дальнему маршруту. Мы никогда не говорили о своих чувствах, но очень любили обсуждать последние фильмы о любви, которые недавно посмотрели в кинотеатре, или по телевизору. А иногда Людочка просила прочесть книгу, которая ей недавно понравилась, и потом мы горячо обсуждали ее содержание. Это всегда была одна из книг о любви. Я не читал такие книги. Они мне были неинтересны. Но когда об этом просила Людочка, мгновенно проглатывал рекомендованную книгу, и в разговоре с любимой мог цитировать целые страницы текста. Людочка поражалась моей памяти, и мне были приятны ее похвалы.

В тот последний вечер мы обсуждали с Людочкой показанный накануне по телевизору фильм «Разные судьбы». И только минут за десять до расставания осознали, что нам предстоит первая долгая разлука. Что уже завтра вечером мы не встретимся, как всегда. Но ни я, ни Людочка не могли предположить, что это будет разлука на пять с половиной лет.

– Людочка, мне в Крыму будет очень грустно без тебя... А ты будешь скучать? – решил я на откровенный вопрос, не зная заранее, как она отреагирует на него. Людочка молчала, думая о чем-то своем, или обдумывая ответ. Я ждал.

– Знаешь, Толик, я еще никогда ни с кем не расставалась. Мама всегда была с нами, и никуда никогда не уезжала. Я тоже всегда была дома, и Светка. А сейчас впервые чувствую, что-то хорошее надолго теряю. Конечно, буду скучать, – к моей радости очень хорошо ответила любимая.

– Людочка, а хочешь, буду писать тебе письма? – предложил ей хоть какой-то выход.

– Это было бы хорошо, Ромео, но не в нашем общежитии. Я очень не хочу, чтобы кто-нибудь читал твои письма. А у нас такое бывает. Почти все письма приходят распечатанными. Ты, когда уезжал на все лето в деревню, я тоже скучала, – вдруг удивила Людочка, – Так что, я и сейчас буду думать, что ты снова уехал, как всегда.

– Но сейчас не как всегда. Мне предстоят интересные и немного опасные приключения. Очень хотелось бы поделиться впечатлениями.

– Приезжай скорей. Я буду ждать тебя, – вдруг тихо сказала Людочка, и впервые за последнее время смутилась.

– Людочка, можно тебя поцеловать на прощанье? – вдруг решил я, растроганный ее последними словами. Людочка, густо покраснев, неожиданно рассмеялась. И тут же, одарив улыбкой, опустила глаза и почему-то стала очень грустной.

– Толик, очень не хочется, чтобы наш первый поцелуй был прощальным. Мне сейчас плакать хочется. Ты меня понимаешь?

– Конечно, понимаю, Людочка.

– Я сама тебя поцелую, когда вернешься, – озорно улыбнувшись, сказала Людочка. Вдруг она быстро обняла меня, чмокнула в щеку и тут же, резко повернувшись, убежала в дверь своей квартиры.

Я почти не почувствовал прикосновения ее губ. Но мне вдруг стало так хорошо...

«Людочка, я люблю тебя больше всего на свете. Я люблю тебя больше жизни. Ты сама – моя жизнь, моя любимая Людочка», – пела душа, прикоснувшаяся к счастью.

Неожиданно дверь открылась. На пороге стояла сияющая Людочка:

– До свиданья, Ромео. Счастливого пути. Удачных полетов... Я очень жду тебя, – попрощалась со мной ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ, моя Джульетта...

Проснулся от жуткого холода. Еле встал с постели и, дрожа крупной дрожью, быстро оделся. Попытался включить свет, но напряжения в сети не было. Выглянув в окно, обнаружил, что вся площадка во тьме. Батареи отопления ледяные. При температуре воздуха за окном за сорок градусов и ветре, дующем прямо в окна, номер стремительно охлаждался. Аварию, очевидно, устранят только утром. А что делать до утра?..

Пришла мысль организовать внутреннее отопление. Зажег свечу, которая была припасена на подобные случаи. Надел два свитера, шинель и теплое пальто. Затем выпил немного спирта без закуски. Прямо в одежде лег в холодную постель.

Но уже не спалось. Я вдруг представил экспедицию полярников. Как же они там выжили? Правда, у них была меховая одежда. А где теперь наши меха? И я рассмеялся, вспомнив, как вчера бегал по казарме разгневанный майор Липинский. Оказалось, наш старшина, которым он всегда гордился, и которого во всем поддерживал, даже когда тот был абсолютно неправ, перед увольнением в запас продал все меховые комплекты команды, хранившиеся в каптерке.

– Посажу эту сволочь, чтобы другим было неповадно, – выходил из себя Липинский от бессильной ярости. А тот старшина, довольно неприятный хамоватый тип, скорее всего, уже пропивал в родной деревне немалые деньги, вырученные за комплекты.

– Как ты его посадишь? Украденные комплекты не существуют. Они погибли при взрыве и давно списаны. Говорил тебе, надо сразу поделить. А теперь чего кулаками махать? – успокаивал Липинского капитан Алексеев.

– Вор у вора дубинку спер, – тихо, но, как оказалось, хорошо слышно всем присутствующим, произнес старлей Шурик Шашев.

– Шашев, ты что сказал? – грозно рявкнул Липинский, услышав явно оскорбительную фразу, – Вон отсюда!

Шурик не задержался. Быстро схватив шинель и шапку, выскочил из комнаты, подмигнув мне на прощанье, и уже совсем тихо шепнул: «Пауки в банке... Жду в столовой».

Похоже, задремал, потому что проснулся от какого-то звука. Оказалось, на столе лопнул стакан, в котором оставалось немного воды, которой запивал спирт.

И тогда придумал, как разжечь костер. Благо, топлива у меня было вдоволь. И вскоре голубое пламя осветило номер. К утру стало совсем тепло, но часа за два сжег все запасы спирта. «Вот Шурик будет рад, что гидрашка закончилась», – веселился я.

С утра все обитатели ночлежки устремились в столовую. Только там было какое-то резервное отопление. И только там было тепло. Некоторые, особо шустрые, раздевшись до пояса, устроили у рукомойников водные процедуры утреннего умывания. Их, естественно, быстро разогнала администрация столовой, пораженная невиданной наглостью посетителей.

В казарме тоже было тепло. Я долго, не раздеваясь, сидел в комнате офицеров, пока окончательно ни согрелся. Согревшись, не заметил, как задремал.

Мне приснился Крым и мой первый полет. Я сижу в кокпите планера. Фонарь закрыт. Ноги на педалях, ручка управления в руке. Инструктор сзади. Его не видно. Ощущение, что пилот планера это я. Самолет-буксировщик уже готов к взлету.

И вот разгон. Планером управляет инструктор, но я чувствую на ручке и педалях все его действия во время взлета и, главное, их понимаю.

Неожиданно осознаю, что инструктора в кабине вообще нет. Тогда непонятно, откуда доносится его странный смех? И кто тогда управляет планером?

– Что-то ты, парень, не похож на новичка. Наверняка когда-то летал раньше, – вдруг говорит невидимый инструктор. Но я точно помню, что именно эти слова он сказал тогда вместо обычного поздравления. Но то было не во время полета, а уже после него. Странно все это.

С трудом смиряюсь с мыслью, что, скорее всего, именно поэтому меня уже в первый полет выпустили одного, без инструктора... Но в то лето я не летал без инструктора.

– Навыки не пропьешь, – вдруг ответил инструктору Шашев, – А этот летун весь мой спирт спалил, пока обогревался, – пожаловался он.

«А Шурик откуда свалился? Я же его тогда вообще не знал... Да он и плавать-то не умеет, не то, что летать. Он же может что-нибудь натворить здесь со страха», – мелькнула беспокойная мысль.

Внезапно обнаруживаю, что самолета-буксировщика впереди нет, а планер летит самостоятельно, причем, со значительным ускорением. Меня уже ощутимо вдавливают в спинку сидения. Оглянувшись, вижу, что такой стремительный старт обеспечивает планеру наша гигантская ракета. Она отчетливо видна позади него. Сам планер прикреплен прямо к корпусу ее системы аварийного спасения. Вижу широкий инверсионный след от работающих ракетных двигателей.

«Грохота двигателей не слышно. Значит, идем на сверхзвуке. Но планер не годится для таких полетов! У меня нет скафандра! Я же погибну в космосе! Надо срочно связаться с землей! В планере нет радио! Что предпринять?» – скачут горохом лихорадочные мысли.

– Ты же хотел стать космонавтом. Скоро будешь. И я буду гордиться тобой... А я здесь инкогнито, – вдруг сказала четырнадцатилетняя Людочка, невероятным образом оказавшаяся прямо на месте инструктора.

«Зачем она здесь? Это же опасно. А уж ее легкое летнее платьице совсем не годится для такого полета», – беспокоило меня, – «Еще минута-две, и нас не будет. Я летчик, смертельный риск – это издержки моей профессии, а почему должна погибнуть моя Людочка – молодая красивая девушка?» – вдруг резанула разум ужаснувшая мысль.

– Людочка-Людочка... Ну, как ты здесь оказалась? Ты должна жить! Жить, а не умереть, – заплакал от бессилия что-либо изменить в губительной ситуации...

Очнулся весь в слезах. Хорошо, в комнате офицеров никого не было. Даже Шурика. Посмотрел на часы. Время обеденного перерыва.

Есть не хотелось. И я снова погрузился в воспоминания о далекой юности и моих первых полетах.

Эти ощущения воздушной среды, как опоры в полете, были знакомы уже давно. С того самого момента, когда попытался поднять в воздух мою первую кордовую модель.

То было довольно простое изделие. По нему руководитель кружка авиамоделлистов Дворца пионеров сразу определял, кто из кружковцев чего стоил. Едва взглянув на тщательно изготовленную мотораму, тот сразу сказал: «Брось заниматься ерундой. Будешь делать таймерную модель». Это, конечно, было высшей похвалой, но мне очень хотелось доделать, что начал, а, главное, попробовать управлять моделью в воздухе.

Мой первый полет оказался коротким. Едва модель начала разгон, резко взял ручку на себя, и модель, сделав полупетлю, с силой врезалась в землю.

Через неделю, когда вновь принес отремонтированную модель на кордром, мои представления об управлении самолетом были на высоте. Я прочел массу литературы, и буквально прочувствовал принципы управления. И мой второй полет прошел без приключений. Я не только без ошибок отлетал всю программу полета, но легко и, к удивлению руководителя кружка, правильно посадил планирующую модель с выключившимся в конце полета двигателем.

И вот я в кабине летательного аппарата и, в принципе, сам должен управлять настоящим планером, где ошибки пилотирования грозили иными последствиями, в сравнении с разбитой вдребезги игрушкой.

А потому я внимательно отслеживал все действия инструктора. Наконец мы в воздухе. Самолет летит впереди, чуть ниже планера. Мы повторяем все его эволюции, выходя в зону пилотирования. Но, похоже, слишком увлекся управлением, потому что, когда взглянул на землю, понял, что не вижу никаких ориентиров. Я просто не понимаю, где нахожусь, хотя перед этим очень тщательно изучал карту местности.

Едва обнаружил на земле что-то похожее на знакомые по карте объекты, по которым можно было определиться, как понял, что секунд на десять отвлекся от управления планером, и пропустил много интересного.

Самолет покачал крыльями, и мы отцепили буксировочный трос. Теперь мы в свободном полете. Первое, что поразило, это внезапно наступившая тишина. Но мы летели. Это было заметно по облакам, которые перемещались гораздо быстрее, чем объекты на земле. Это было видно по приборам, на которые я, наконец, впервые посмотрел. Инструктор молчал. Видимо, давал время, чтобы справился с первыми ощущениями полета, когда еще трудно одновременно контролировать все, что требуется.

Наконец инструктор спросил, где находимся и каким курсом летим. Четко, как учили, доложил. Запросил показания приборов. Поняв, что контролирую ситуацию, задал новый курс и передал управление. Плавно орудуя органами управления и сверяясь с приборами, уверенно вывел планер на заданный курс. Доложил инструктору. Судя по его интонации при приеме доклада, с первым заданием, похоже, справился. Постепенно, шаг за шагом, я быстро осваивался с управлением этой великолепной машиной. И, главное, уже четко ориентировался во всем воздушном пространстве в зоне аэродрома.

Это пространство, окружающее планер, как и сам летательный аппарат, я вдруг ощутил, как единое целое, как своеобразное продолжение моего тела во все стороны одновременно. Я был, как бы помещен в центр особого объемного мира – такого податливого, как воздух под взмахом клинка, и одновременно такого твердого, как трамвайные рельсы на крутом повороте. И я вдруг почувствовал себя в нем птицей, летящей, куда пожелаю...

Наконец пошли на посадку. Почти до самого касания земли, планером управлял я, разумеется, по командам инструктора. А может, мне это показалось...

И вот мы на земле. Когда выбрался из планера, запутавшись с непривычки в привязных и парашютных ремнях, первым мне протянул руку инструктор:

– Что-то ты, парень, не похож на новичка. Наверняка когда-то летал раньше, – уверенно сказал он вместо традиционного «Поздравляю с первым полетом», что показалось мне особой похвалой.

А я действительно летал не впервые. Мои первые полеты состоялись еще года два назад в деревне, и произошло это совершенно случайно.

Когда мы с братом приехали туда на каникулы, как всегда, на все лето, оказалось, колхоз распределил к нашей бабушке на проживание молодого тракториста Васю. Его трактор, старенький, еще дореволюционный, «Фордзон», временно работал в качестве привода для насоса, подающего воду на орошение полей из речки. На поля и обратно Васю возила машина. Сначала попросились просто прокатиться, чтобы посмотреть его трактор.

Но оказалось, речка в тех местах глубже и шире, чем там, где мы обычно купались. И мы стали ездить с Васей почти каждый день. Вскоре мы с братом научились следить за работой трактора, а потом и запускать его. Постепенно подменили Васю в его несложной работе. А он в это время купался в реке, загорал, или просто спал в холодочке.

А однажды прилетел старенький самолет ПО-2. Он должен был опылять поля ядохимикатами. Молодой летчик был в самолете один, без помощника. Но когда ядохимикаты уже загрузили в специальные бортовые емкости, выяснилось, что кто-то должен летать на самолете в качестве помощника. Вася категорически отказался. Похоже, боялся летать. Остальные полеводы, в основном, женщины, тоже не горели желанием несколько часов болтаться в воздухе над полями.

– Парень, а ты не хочешь полетать? – вдруг обратился летчик ко мне. Когда он подходил к Васе, видел, как я управлялся с трактором. Да и другого выхода, похоже, у него не было.

– Конечно, хочу, – бодро ответил ему.

– А ты когда-нибудь летал?

– Нет еще.

– А не испугаешься? Надо будет не просто летать, но и немного поработать. Ты как к авиации относишься? Хотел бы стать летчиком? – забросал вопросами первый настоящий летчик, которого увидел в жизни, а не в кино, и с которым мог говорить, как с обычным человеком.

И я рассказал ему, что занимаюсь авиамоделизмом. Конечно же, мечтаю летать, и очень хочу, когда исполнится шестнадцать, поступить в аэроклуб.

Летчик понял, что я не деревенский. К тому же, люблю авиацию. Это, похоже, его успокоило. Он объяснил мои простые обязанности: по его команде включать и выключать распылители ядохимикатов.

И вот я впервые в таком экзотическом самолете. Небольшая кабинка помощника располагалась позади такой же кабинки пилота. Обе кабины открытые. Передо мной какое-то подобие стекла, как в мотоцикле. Пилот проверил, как я пристегнулся. Потом показал все, что должен делать. Немного потренировались на земле. Потом я надел респиратор, чтобы самому не отравиться вместо вредителей. И стал наблюдать, что будет дальше. Около самолета бегали мои братья. Им тоже хотелось полетать.

Наконец, самолет разбежался и поднялся в воздух. Все оказалось просто. Сначала – как быстрая поездка на грузовике по чистому полю. А когда колеса оторвались от земли, и скачка по неровностям прекратилась, самолет быстро и плавно набрал высоту. Весь полет проходил на малых высотах, поэтому пейзаж менялся необычайно стремительно. Знакомая местность с высоты выглядела совершенно незнакомой. Мы постоянно маневрировали, очевидно, для того, чтобы выйти на исходную позицию для обработки поля.

Вскоре получил команду о готовности, а потом основную. Включил распылитель и оглянувшись, увидел длинный шлейф химикатов, который тянулся за нами. Такое впечатление, что самолет загорелся, и от него стремительно неслись клубы дыма. А дальше пошла обычная работа – выключить, включить, выключить... За полдня полностью освоился с работой помощника. С воздуха уже прекрасно различал обрабатываемые поля и полевой стан, где мы несколько раз заправлялись химикатами. Мне очень понравилось летать на особо малой высоте, когда чувствовалась скорость. Хотя, в принципе, скорость этого допотопного самолетика, конечно же, была небольшой. Понравились моменты взлетов и посадок самолета, когда он попадал из одной среды обитания в другую – с земли в воздух и обратно.

С того самого полета окончательно заболел авиацией. Летчик тоже остался доволен моей работой.

Так что инструктор вполне уверенно и достоверно установил, что не он открыл мне небо. Да и навыки пилотирования были у меня в какой-то степени наработаны. Конечно, пилотирование авиамоделей существенно отличается от пилотирования настоящих летательных аппаратов, зато, оказалось, значительно ускоряет процесс обучения.

За три полета мы с инструктором освоили весь начальный курс. Он уже несколько не сомневался, что я далеко не новичок. Периодически пытался меня разговорить, чтобы выяснить причину, по которой выдаю себя за начинающего планериста. Я не разубеждал его, а наоборот специально создавал некоторый налет таинственности, вяло отрицая его догадку, но с загадочной улыбкой, косвенно ее подтверждающую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.